

Деннису и клятвам,
которые ты дал
и сдержал

Младшие задают мне вопросы.

Они хотят знать о том, что было раньше.

Я самый старший. Я должен знать.

*Ты летал, Грейсон? В небе, подобно
птичке?*

Да. С моим дедушкой.

Как?

*Я не уверен. Помню только, что смотрел
вниз, наблюдая, как исчезает земля, как
плывет дедушка, держа меня на руках.*

*С тех пор я больше никогда не видел
его слез.*

После первой звезды упало еще шесть.

*После не было времени ни на слезы,
ни на объяснения того, что такое полет.*

Мы могли только бежать.

Тай и Уэлла забрались ко мне на колени.

Мы научишь нас летать?

Нет, я научу вас кое-чему другому.

Пому, что поможет вам выжить.

— Грейсон Белленджер, 15 лет

КАЗИМИРА ИЗ БРАЙТМИСТА

Сквозь камень пробивался пыльный луч света, и я наклонилась, надеясь украсть немного тепла. Я была воровкой. У меня должно легко получиться, но тепло ускользало от меня. Как долго я здесь пробыла? Пять дней? Месяц? Одиннадцать лет? Я позвала маму, а потом вспомнила. *Это было целую жизнь назад. Ее больше нет.*

Тонкий луч появлялся после долгих периодов темноты, может быть, раз в день? Я не знала. Он не задерживался надолго, бросая на меня взгляд, словно любопытный зритель. *Что это у нас тут?* Он упал на мой живот, на рубашку, испачканную засохшей кровью. *Паршиво выглядит. Разве тебе не следует что-нибудь сделать?* Неужели мне послышался смех, когда луч угас? Или это квотерлордиздевался надо мной?

Я еще не была мертва, поэтому знала, что нож, вонзившийся в мой живот, по крайней мере не задел ничего жизненно важного. Но рана гноилась, а мои глаза воспалились — в них попала грязь, которая была здесь повсюду.

Сны и реальность смешались.

В темном углу шуршали крысы. Синове о них не упоминала.

Я вспомнила, как она рассказывала мне о своем сне. *«Я видела тебя закованной в цепи в тюремной камере... Ты была вся в крови»*. Я помнила ее обеспокоенный взгляд. Помнила, как не обратила внимания на ее опасения. *«Иногда сны — это только сны»*.

А иногда сны становятся чем-то гораздо большим.
Где Джейс?

Я услышала грохот и подняла голову. Ко мне пришла посетительница. Она стояла в углу, изучая меня.

— Ты, — сказала я, собственный голос показался мне чужим, слабым и надрывным. — Пришла за мной. Я ждала тебя.

Она покачала головой. *Еще нет. Не сегодня. Прости.*

И она исчезла.

Я легла на пол, цепи звякнули о булыжник. Я свернулась в клубок, пытаюсь унять боль в животе.

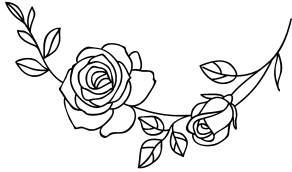
Прости.

Извинения от Смерти?

Вдруг я поняла. Худшее ждало меня впереди.

КАЗИ

Двумя неделями ранее

Джейс вошел в комнату полностью обнаженный, и я подумала об очищенном от кожуры апельсине.

Я наблюдала, как Джейс пересекает комнату и поднимает с пола брюки. Он начал натягивать их, но заметил, что я смотрю, и замер.

— Могу остаться так, если тебе хочется воспользоваться моим уязвимым положением.

Я выразительно приподняла бровь.

— Думаю, мне достаточно. Одевайся, *патри*. Сегодня нам предстоит пройти много миль.

Он нахмурился.

— Как прикажешь.

Я знала, что он тоже готов отправиться в путь. Мы продвигались быстро, но со дня нашего отбытия в Марабеллу прошло более двух месяцев. Джейс натянул рубашку, от его кожи все еще поднимался пар. Крылатая татуировка на груди блестела в мягком тумане. Здесь в нашем распоряжении оказался горячий источник. Прошлой ночью и сегодня утром мы отмокали в нем, смывая грязь долгого путе-

шествия. Это было расточительство, от которого ни один из нас не смог отказаться.

Я подошла к окну, пока Джейс продолжал одеваться. Большая часть поместья лежала в руинах, но в них угадывалось былое величие этого места. Кое-где поблескивали мраморные полы в изящных голубых прожилках. Возвышающиеся колонны, потолок с остатками росписи: клочья облаков, глаз лошади, прекрасно выполненная рука. Был ли это дом предводителя Древних? Самого Аарона Белленджера? Богатство шептало, как умирающий лебедь.

Нас окружали обломки зданий, которые, казалось, тянулись на многие мили. Эти дома не устояли перед падающими звездами и временем, и теперь лес скрывал их, оплетая нежным изумрудным узором. Даже усадьбу, расположенную высоко на скалистом выступе, покрывали листья деревьев и лианы. Но когда-то давным-давно она была прекрасной и величественной. Тот, кто прежде бродил по этим залам, вероятно, думал, что все всегда будет так идеально.

Прежде чем мы покинули Марабеллу, помощник короля, Свен, нарисовал нам на карте северный путь, который огибал Дьявольскую землю. Карта показывала, где находятся убежища и даже несколько горячих источников. Этот маршрут был немного длиннее, но, по словам Свена, меньше зависел от погоды. А ее стоило учитывать, ведь мы вступали в сезон бурь. За три недели мы быстро преодолели значительное расстояние, и если бы продолжали в том же темпе, до Дозора Тора дошли за несколькими днями. По мере того как мы приближались к дому, я слышала, как в голосе Джейса нарастало волнение. Он не переставал говорить о переменах, которые нас ожидали.

У нас был план. Кое-что предстояло сделать Джейсу. Кое-что мне. А что-то нам вместе. Хотя меня и одолевали опасения по поводу нашего возвращения, я тоже была в восторге. Наконец-то могла признать, что люблю Хеллсмаус. Он гудел в моей крови, как в первый день, когда я въехала туда верхом. Только на этот раз я не буду незванным гостем, ищущим проблем. Я принесу проблемы с собой и стану частью происходящего, помогая Дозору Тора сделаться чем-то большим.

Об этом мы с Джейсом говорили всю первую неделю пути — об установлении границ нового крошечного королевства и пересмотре правил торговли. Какие бы надежды ни питал кто-то по захвату биржи и Хеллсмауса, теперь они были уничтожены, учитывая, что суверенитет Дозора Тора официально признан Союзом. Дозор должен стать тринадцатым королевством. Или первым. Я улыбнулась, вспоминая, с какой дерзостью Джейс принял щедрость королевы — настоять, чтобы его королевство назвали первым.

Моя роль посла была не просто почетной. Я все еще оставалась рахтаном и, что самое важное, находилась в подчинении у королевы. Выполняя свои обязанности, я отвечала за плавный переход власти. Королева также считала, что представитель крупного королевства будет иметь влияние на происходящее и поможет сохранить стабильность в случае сопротивления.

Она дала мне дополнительное задание — самое главное. Я рассказала ей о последних словах молодого ученого. Словах, в которых чувствовалась вина: *«Простите. Уничтожьте их»*. Хотя мы считали, что все документы сожжены, но даже крупица сомнения создавала большое беспокойство.

«Казимира, защити эти бумаги и, если не сможешь безопасно переслать их мне, уничтожь. Мы понятия не имеем, с какой информацией ученые сбежали после падения Комизара и что они успели разработать с тех пор. Мы не хотим, чтобы эти бумаги попали в чужие руки, если есть хоть малейший шанс повторения резни или чего-то хуже».

Хуже?

Хуже Великой битвы была только одна вещь. Опустошение.

Лишь немногие выжили после этого, и мир до сих пор носил шрамы. Я обещала королеве, что именно этим вопросом займусь в первую очередь.

Она также попросила меня прислать пару книг по истории, если они найдутся. *«Я бы хотела побольше узнать об этой земле. Грейсон Белленджер был храбрым лидером. Он был очень молод, но полон решимости защитить своих подопечных от падальщиков. Не всегда нужна армия, чтобы спасти мир. Иногда нужен лишь один человек, который не позволит злу победить. Именно такие герои, как Грейсон и те двадцать два ребенка, вдохновляют меня».*

Но и сама королева вдохновляла людей. Похоже, даже не понимая, что ей восхищалась большая часть континента. Она вдохновила и меня. Заставила взглянуть на себя по-другому. Она увидела во мне человека, которого стоит спасти, несмотря на его прошлое. Она вдохновила меня стать кем-то большим, а не делать то, что от меня ожидали другие. Я осмелилась верить, что могу что-то изменить, потому что королева поверила в это первой. Даже когда по моей вине вся наша команда оказалась в тюрьме, королева не разочаровалась во мне.

И теперь я с гордостью понимала, что она рассчитывает на меня.

Я представляла, что Ганнер уже нашел таинственные бумаги и пытается расшифровать их содержимое. Но независимо от того, что в них, Ганнер должен будет передать их мне — как бы громко он ни протестовал при этом. Дозор Тора лишится признания Союза, если Белленджеры не подчинятся. В любом случае у меня имелись методы, чтобы заставить его отдать их. Ничто не помешает мне выполнить обещание, данное королеве, не помешает Дозору Тора стать признанным королевством. Это была мечта не только Джейса, но и моя. И вполне возможно, что сейчас бумаги были отложены в сторону, пока Ганнер занимался другими делами, например подготовкой к возвращению Джейса.

Джейс отправил Ганнеру послание, в котором сообщил, что направляется домой и у него есть хорошие новости. Больше он ничего не стал писать. Как бы Джейс ни был воодушевлен перспективой, что Дозор Тора наконец-то станет признанным королевством, он хотел объяснить все лично и избежать ситуации, когда Ганнер поспешно объявит всем то, что Джейс — и королева — не спешили разделить с публикой. Он также не упомянул, что я прибуду с ним. Это потребовало бы еще больше объяснений, которые сложно вместить в короткую записку. Но, по крайней мере, сейчас семья Джейса знала, что он здоров и возвращается домой.

Сообщение, отправленное с вальспреем, попадет к Белленджерам тем же путем через черный рынок, что и все остальные сообщения, — сначала оно окажется у дрессировщика вальспреев в бюро отправлений в Парсусе, где у Белленджеров есть тайный

сотрудник. Королева с удивлением приподняла брови, узнав об этом, и Джейс пообещал, что это маленькое недоразумение будет исправлено. Конечно, после получения статуса нового королевства, а вместе с ним и собственных обученных вальспреев, больше не было необходимости добывать птиц незаконным путем. Король сказал, что уже через несколько месяцев к нам пришлют дрессировщика с вальспреем.

Я услышала позади шаркающие шаги по мраморному полу, а затем почувствовала тепло Джейса. От него все еще исходил жар источника. Приблизившись, Джейс положил руки мне на плечи.

— На что ты смотришь? — спросил он.

— На совершенную красоту. На потерянные вещи. На нас.

— Нас?

— Последние недели были...

Я не знала, как закончить мысль, но чувствовала: в этих днях, проведенных вместе, было что-то, что не хотела потерять, что-то первозданное и почти священное. Были только мы. Но я боялась, что все изменится.

— Понимаю, Кази. Как никто другой. — Он отвел в сторону мои волосы и поцеловал в шею. — Но это не конец. Это только начало. Я обещаю. После всего, через что мы прошли, ничто не сможет нас разлучить. Боюсь, теперь ты связана со мной.

Я закрыла глаза, ощущая его прикосновения, его запах и каждое его слово. «Я обещаю».

Между нами все изменилось настолько, что я даже не представляла, будто подобное возможно. Только теперь я осознала, что такое непереносимая тяжесть секретов. Невозможно понять их бремя, пока оно не будет сброшено.

В последние недели мы испытывали почти головокружительную легкость правды.

Мы свободно рассказывали обо всем, больше не задумываясь о словах. Хотя мне казалось, что много знаю о Джейсе, я узнала гораздо больше — детали, которые формировали его личность, от обыденных до самых сложных. Я узнала больше о его ранимости, о переживаниях, когда умирал его отец, и о новых обязанностях, которые свалились на него. Он думал, что пройдут годы, прежде чем ему придется взвалить на себя тяжесть положения *патри*, но в девятнадцать лет вся ответственность вдруг легла на его плечи.

Он открыл мне секрет, которым никогда ни с кем не делился, — о своей сестре Сильви и ее последних просьбах, о чувстве вины, что не желал верить, будто сама Сильви уже знала — она умирает. Даже спустя четыре года произошедшее все еще оставалось для него незаживающей раной, и его голос дрожал, когда он рассказывал о сестре. Его рассказ помог мне лучше увидеть себя — невозможный выбор, который приходится делать в краткий момент. А после — сожаление, которое хороним глубоко внутри. Поступки, которые не совершили бы, если у нас был бы еще один шанс, если мы могли бы отмотать время назад, как моток пряжи, и сплести его во что-то другое. *«Беги, Кази, беги за палкой. Ударь его в пах, ударь в нос, ударь по горлу»*. Почему я не сделала этого? Один выбор мог бы все изменить. Но голос моей матери приказывал: *«Не двигайся. Молчи»*.

Для Джейса все было наоборот — он не прислушался. Воспоминание, как он в последний раз посмотрел в слезящиеся глаза Сильви, прежде чем

она закрыла их навсегда, до сих пор преследует его. Он долго не решался поделиться, возможно, самым темным своим секретом: он украл ее тело из гробницы и похоронил у Слез Бреды в горах Моро. В Хеллсмаус, да и во всей Эйсландии, осквернение гробницы считалось святотатством, и это преступление каралось смертью. Даже его семья не знала, что он натворил. Я попыталась представить, какие муки он испытывал, когда ехал один по темной горной тропе с завернутым в ткани телом Сильви, перекинутым через седло.

Но некоторым было трудно поделиться — правда обнажалась слой за слоем, некоторые вещи были зарыты так глубоко, что стали для нас лишь смутной болью, которую мы научились игнорировать. Мы помогали друг другу раскрыть и это. «*Как ты выжила, Казу? В одиночку?*» Он имел в виду не только то, что я ела и во что одевалась. Я уже рассказывала ему об этом. Он спрашивал об абсолютном одиночестве, когда не к кому обратиться. Для него это было невысказано. Я же не могла ответить, потому что и сама не понимала. Иногда мне казалось, будто все, что от меня осталось, — это голодная тень, которая может исчезнуть, и никто не заметит. Возможно, именно вера в это и помогла мне выжить.

Хотя наша честность друг перед другом казалась пьянящим эликсиром, которым я не могла напиться, но с приближением к Дозору Тора сильнее чувствовала, как новые секреты закрадываются между нами. У меня были опасения по поводу семьи Джейса, которыми я не хотела делиться, потому что знала, что он не придаст им значения. В конце концов, он был главой семьи, *патри*. Его бы послушали. Но разве нена-

висть можно погасить одним приказом? Ненависть членов его семьи ко мне была всецелой, исходящей из глубины души.

«Я выколю тебе глаза и скормлю их собакам...»

Это была «семья», в которую я возвращалась. Меня беспокоили не только угрозы Праи, но и пропасть, которая возникла на месте разрушенного доверия и которую, как мне казалось, невозможно было преодолеть, даже ради Джейса. Я помнила потрясенное выражение лица Вайрлин, когда я забирала ее сына, угрожая ножом. Я всегда буду той девушкой, которая вторглась в их дом, девушкой, которая лгала и крала у них.

Даже милые Лидия и Нэш, вероятно, теперь знали обо всем. Было бы невозможно скрыть от них подробности исчезновения Джейса. Кроме того, оставался еще Ганнер и его жестокие насмешки, когда он узнал, что Зейн сделал с моей семьей. Не имело значения, что он брат Джейса. Моя ненависть к нему не ослабла за последние недели. Я не могла, как и они, притворяться, что та ночь была забыта.

— Знаю, как много для тебя значит семья, Джейс. Я не хочу, чтобы ты оказался в ситуации, когда тебе пришлось бы выбирать сторону.

— Кази, теперь ты моя семья. Выбора нет. Ты связана со мной навсегда. Понимаешь? И они тоже. Так уж устроены семьи. Поверь мне, они придут в себя. Они любили тебя раньше. И полюбят снова. Что еще важнее, они будут благодарны тебе. Белленджеры утратили бдительность. Не сомневаюсь, мы все были бы мертвы, если бы ты не вмешалась.

Он уверял меня в этом и раньше, рассказывая об ужасных расправах над Белленджерами в прошлом. Я с легкостью могла это представить. Джейс

был бы первым. Убить самого сильного, а затем перейти к остальным. Как бы это произошло? Неожиданный удар ножом в спину, когда Джейс зашел проверить, как идет работа у Бофорта? Неизбежно. И я это понимала. Бофорт рассчитывал, что его план осуществится всего через неделю, пока я не вмешалась. Были заказаны новые материалы. Производство должно было развернуться в полную силу. Искали новых кузнецов, которые помогли бы Сарве изготовить еще две дюжины пусковых установок. Но семья Джейса верила только в то, что видела, а не в то, что могло бы случиться. И они стали свидетелями моего предательства, а не предательства Бофорта. Его план захвата власти над королевствами — в сравнении с грандиозными обещаниями, которые он им давал, это звучало как ложное обвинение. Я знала, что Джейс поддержит меня, и да, возможно, этого будет достаточно, но не была уверена. Я не понимала всех отношений и проблем семейной жизни и беспокоилась, что, вероятно, мне уже слишком поздно учиться.

— У меня никогда не было семьи, Джейс. Я могу не справиться...

— У тебя есть Рен и Синове. Они как твоя семья.

При упоминании о них я ощутила печаль. Уже скучала по ним, гораздо больше, чем думала. Мы привыкли разлучаться лишь на короткое время, когда отправлялись на задания, но наши двухъярусные кровати в общей комнате всегда ждали нашего возвращения. На этот раз я не собиралась возвращаться. В последние недели часто думала, где они и как у них дела. Рен и Синове были для меня самыми близкими людьми. Они готовы отдать свои жизни за меня, а я за них. Мы стали